

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ

НАШ ПРОМЫСЕЛ ЖИВОЙ

* * *

Утром дым над химкомбинатом встаёт.
Форточка захлёбывается холодом.
Чумазое облако медленно плывёт:
Над рекой, над рощей, над городом.
И мысль ему вдогонку летит:
Отражая осень, как будто строя рожицы,
Пучеглазая роса, не мигая, глядит —
Это проснулись многожители рощицы.
И молча на течении вздрагивает тальник —
Так и живёт, и никуда не денется —
Словно он к страданиям привык.
И, как себя, вдруг станет жалко деревце...
И от сна, ничего не понимая, река
Заблудилась в дебрях собственного дыхания.
Начиная от родника
И до устья в Северном океане,
Как мысль, ещё не отлетевшая от виска,
Что всё это я знаю, полюбил заранее.

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич родился в 1942 году в городе Кемерово. Автор семи поэтических сборников, последние из которых “Смута”, “Пронеси у меня на плече!”, “Слеза”. Учился в Новосибирском инженерно-строительном институте, более десяти лет работал архитектором. Член Союза писателей России. Живёт в Кемерово.

* * *

Лето в зелёном наряде.
Солнце пекло — будь здоров.
Охнув в своём палисаде,
Умер Валерий Ковшов.

Чтил по-крестьянски он древний
Старый и Новый завет.
Житель сибирской деревни,
Малоизвестный поэт.

Мало... А всё же писатель.
Пьяненький ветеринар
(Интеллигентный приятель) —
Это его семинар.

Но после тех обсуждений
Знаком высоких начал
Малоопознанный гений
Душу его отмечал.

С лирикой спорила логика,
Сретенье дум и страстей...
Был он, как малая толика
Русской поэзии всей.

ПРОЗА ПАРИЖА

Сфотографировался у Лувра.
И, наконец, погулял по Монмартру —
Мечта из юности не обманула.
Но не восполнить её утрату...

Пил кофе на башне конструктора Эйфеля.
Да, верхотура так уж верхотура.
Но мост царя Александра Третьего —
Роскошный, русский, сказалась натура!

Париж уже от каштанов рыжий.
Хожу и влюбляюсь в Париж понемножку.
Смешно, но вспомнил: вернусь из Парижа —
И надо будет копать картошку.

* * *

Б. Бурмистрову

Мы жили в эпоху застоя
И не замечали застой.
И всё это было со мною,
И всё это было с тобой.

Мы жили: на стенах обои
Квадрат на полу золотой,
И небо в окне голубое,
И птицы летают гурьбой.

И пел над безбожной странюю,
Как будто сам чёрт ему брат,
Любимый тобою и мною
Наш трагикомический бард.

Ну, что же теперь после драки
Махать кулаками, мой друг?
Но снова и снова варяги
Застоем нас гонят в испуг.

...Иконка в углу на обоях,
Луч солнца на ней золотой,
И песни эпохи застоя
Нас снова волнуют с тобой.

* * *

Был наказан. Выплакался. Сплю.
Это я. Бессилен, счастлив, маленький...
Счастлив, что прощён, любим, люблю.
Что укрыт шалёнкой маминой.

Сын наказан. Выплакался. Спит.
Тишина. Посапывает. К вечеру.
Счастлив ли?.. Отец пред ним стоит —
Это я же — с одеяльцем в клеточку.

* * *

Родной язык в нас снова растревожит
И русскую тоску, и нашу прыть.
От первых потаённых чувств: «Быть может...»
И до надежды страстной: «Может быть!»

Родной язык. Мы все уйдём и сгинем.
Но строчка будет жить, ей хватит сил:
«Скажи поклоны князю и княгине», —
Так Бунин в прошлом веке попросил.

А в детстве кто из нас, как небожитель,
Не отхлебнул из русского ковша?
Родной язык — и ангел наш хранитель,
И песня, словно общая душа,

Которую всё реже дарит радио,
Но верещит всё громче на износ.
Родной язык: «Не в силе Бог, а в правде», —
В тысячелетье прошлом произнёс.

Народа нет и не было немного.
И гордость, и смирение на лице
Он выразит: «В начале было Слово...»,
«Пусть... будет пухом...» — он вздохнёт в конце.

Он узелок на память нам и — затесь,
Он оберёт наш и — сторожевой,
Он был и есть, как Бог, без доказательств.
Родной язык — наш промысел живой.

ОНИ

А мы друзьями их считали.
За это и несём вину.
Они и в партию вступали,
Как в полицаи шли в войну.

КАДРЫ ХРОНИКИ

Старая, старая хроника
Незабываемых лет,
Перекрути и напхни-ка
Неповторимый момент.

Серенький, маленький, бедный,
Поезда ждущий перрон —
С перекошенным победой
Женским счастливым лицом,

Вот они! Видели! Видели!
В звёздочках и в орденах
Высыпали победители:
Целые, на костылях,
С воздухом в рукавах...

И на плече у родимой,
Старый — не по годам,
Плачет непобедимый
Мальчик во весь экран!..

Солнечно, искренне, тесно!
Крики, улыбки, гудки.
Марш духового оркестра
Правит дыханьем в груди!

Но по перрону, как ранена,
Среди платков и пилотов
Мечется кинокамера,
Мечется, ищет кого-то...